

«ДЕТСКАЯ БОЛЕЗНЬ ЛЕВИЗНЫ» при строительстве капитализма:

хотели как лучше, но... слишком быстро и секретно делали

Е. Шварц,
WWF России

1. Введение

«Старый», или действующий, Лесной кодекс 1997 года разрабатывался и принимался в условиях идеологического и политического доминирования бывшего Рослесхоза и кризиса лесной отрасли экономики. В результате у разработчиков и лоббистов принятия Лесного кодекса 1997 года не было «партнеров для диалога». Формирование крупного цивилизованного лесного бизнеса только начиналось, а в условиях надежного лоббирования еще не совсем опустевшего государственного бюджета не составляло большого труда отмахиваться от предложений и критики неправительственных организаций. Более того, даже оказалось возможным использовать идеи природоохранных организаций с точностью до наоборот — как это произошло с превращением добровольной лесной сертификации в обязательную лесную сертификацию.

Однако принятие Лесного кодекса 1997 года во многом было пирровой победой: ситуация, когда расходы на содержание Рослесхоза и ведение лесного хозяйства в середине 90-х годов превышали поступления в консолидированный бюджет страны¹, не могла сохраняться долго. Тем более что лесной сектор потенциально может и должен стать одним из двигателей устойчивого развития РФ. Одновременно, по оценке экономистов отрасли, стала очевидной **главная и неотложная задача — привлечение инвестиций**, решение которой тормозилось не экономическими и экологическими, а главным образом институциональными барьерами — отсутствием адекватной недвусмысленной законодательной базы, общей политической стабильности на федеральном уровне, четкого и понятного разделения полномочий между федеральной и региональной исполнительной властью; политикой местных властей на уровне регионов; избирательностью применения налогового законодательства и т. п.²

В этой ситуации успех или неудача разработки нового Лесного кодекса зависели в первую очередь от того, насколько разработчики проекта смогут понять экономические причины краха лесозаготовок в конце 80-х годов прошлого века и уйти от магии псевдоэкономических аргументов советской плановой экономики про «продолжающуюся тенденцию снижения нормативного использования лесосечного фонда». Иными словами — **главные задачи, разрешению которых теоретически должен способствовать проект нового Лесного кодекса, это:**

- переход от еще около 50 лет тому назад исчерпавшей себя экстенсивной модели лесопользования к современной интенсивной модели;
- повышение степени экологической и социальной ответственности лесного бизнеса;
- рост инвестиций в глубокую переработку лесной продукции.

К сожалению, именно эти задачи в проекте остались практически нереализованными.

2. Позиция Минэкономразвития при разработке проекта Лесного кодекса

Принципиально новыми моментами в проекте Лесного кодекса, подготовленного Минэкономразвития, согласно

информации на официальном сайте министерства (www.economy.gov.ru), являются:

- установление различных форм собственности на леса (в том числе и частной);
- передача прав распоряжения лесными ресурсами на региональный уровень;
- переход к гражданско-правовым отношениям по вопросам использования лесов и их вовлечение в гражданский оборот (купля/продажа лесных участков);
- распределение прав пользования лесными ресурсами исключительно по результатам аукционов;
- создание эффективной системы государственного управления лесами на принципах

разделения распорядительных, нормативных и контрольных полномочий на основе уполномоченных федеральных органов.

Попытка Минэкономразвития добиться принятия весьма «сырого» проекта Лесного кодекса исключительно за счет политического «административного ресурса» и без предварительного процесса неформального профессио-

¹ Россия: Лесная политика в переходный период. Вашингтон, 1997.

² Качество роста / Всемирный банк; В. Томас и др. М., 2001.

Таблица 1. Рентабельность производства промышленной продукции в лесном секторе (в % как отношение прибыли к себестоимости)
(Источник: докт. экон. наук Н. А. Бурдин, ОАО «НИПИЭИлеспром»³)

Виды производства / годы	1990	1992	1995	1998	1999	2001	В среднем за указанные годы
Лесопромышленное производство в целом	17,4	36,3	13,3	4,2	23,5	17,0	18,6
Лесозаготовка	11,2	35,0	-6,2	-11,1	13,2	3,0	7,5
Деревопереработка в целом	24,9	38,0	8,0	6,0	17,5	10,5	11,7
Пиломатериалы	24,1	39,6	2,2	1,8	12,0	6,0	14,3
Фанера	16,2	46,3	17,2	28,4	43,2	24,8	29,4
Мебель	32,0	30,0	10,5	7,1	17,4	14,4	18,6
Целлюлозно-бумажная промышленность	14,9	32,0	35,2	12,9	33,2	27,0	25,9

нального и общественного обсуждения (который в большинстве демократических стран, решавших сходные задачи, был связан с разработкой и принятием «Национальной лесной политики») привела к тому, что содержащий много интересных идей и подходов проект оказался под мощным огнем профессиональной и общественной критики. Причем за критикой объективно слабых мест и пробелов Кодекса стали теряться или остались незамеченными и потенциально положительные или заслуживающие доработки идеи его разработчиков. Именно «сырость», однобокость, непоследовательность проекта Лесного кодекса и отсутствие серьезных предваряющих разъяснений и аргументов по тем или иным его спорным положениям привели к тому, что в процессе спешного критического обсуждения произошло сплочение как неизбежных социальных и политических антагонистов идеологии проекта, ратующих за сохранение существующей малоэффективной системы лесного хозяйства, так и его потенциальных сторонников и союзников, в том числе в лице неправительственных экологических организаций и ориентированного на европейские рынки крупного лесного бизнеса.

3. Основные системные недостатки проекта Лесного кодекса

3.1. «ХАЛЯВА, СЭР!»

(Поддержка экстенсивной модели лесопользования и отсутствие мотивации перехода к интенсивной модели)

К сожалению, идеология, заложенная разработчиками в проект Лесного кодекса, во многом опирается на старые мифы о «недоиспользовании» расчетной лесосеки¹, сформировавшиеся в советской экономической системе и имеющие мало общего с реалиями рыночной экономики. Это фактически стимулирует сохранение экстенсивной экономической модели лесопользования, которая уже примерно 50 лет как исчерпала себя. Она привела к краху не только советскую систему лесного хозяйства, но и явилась причиной кризиса всего лесного сектора экономики, деградации лесосырьевой базы в наиболее экономически и социально значимых староосвоенных регионах, а также множества природоохранных конфликтов². Представляя проект Лесного кодекса на заседании правительства 18 марта 2004 года, заместитель министра доктор экономических наук М. М. Циканов повторил любимый аргумент Лесной службы МПР, что в стране используется менее 25 % условной расчетной лесосе-

ки и это значит, что объем лесопользования можно будет увеличить в 4 раза. Такая позиция стимулирует сохранение советского «объемно-валового» псевдоэкономического мышления и подталкивает к инвестированию в наименее рентабельную экономику «круглого бревна», а вовсе не к росту значимости лесного сектора экономики страны за счет инвестирования в глубокую переработку продукции лесопользования (табл. 1). Таким образом, проект Лесного кодекса при всех своих инновациях остался в рамках идеологии «захвата еще неиспользуемых и невырубленных территорий», фактически способствуя продолжению практики «размывания» ограниченного инвестиционного ресурса по огромным пространствам лесопокрытой территории России, вне зависимости от экономической эффективности таких инвестиций. В частности без учета того факта, что переход к интенсивной модели лесопользования создает экономическую базу для решения социально-экономических проблем староосвоенных и населенных регионов Европейской России, тогда как сохранение экстенсивной модели фактически воспроизводит весь комплекс социально-экономических проблем «пионерного освоения» удаленных регионов советского периода.

Другая принципиальная и глубокая идеологическая ошибка была озвучена на заседании правительства и позднее при встрече президента В. В. Путина и нового министра МПР Ю. Трутнева. Она заключается в том, что поскольку фактически у 70 % лесного фонда нет «хозяина», а у государства нет средств на его содержание, срочно необходимо для этих 70 % лесов найти «эффективного собственника». Проблема, однако, состоит в том, что у 30 % лесов, на которые у государства якобы и хватает средств, как раз или уже есть эффективный собственник (долгосрочный арендатор), или имеются претенденты на то, чтобы им стать (а государственная бюрократия от этого «отбивается», поскольку в данном случае государственная собственность приносит свою «административную ренту»). А вот на те самые 70 % лесов, на которые у государства не хватает «сил и средств» при соблю-

¹ Подробнее об этом см.: Шварц Е. А. Лесное хозяйство, экономическое развитие и биоразнообразие: отказаться от мифов прошлого // Устойчивое лесопользование. 2003. № 2.

² О пагубных последствиях этой системы см.: Шварц Е. А. Эколого-географические проблемы сохранения природного биоразнообразия России: Автореф. дисс. на соискание ученой степени доктора географических наук. М., 2003.

³ См.: Макроэкономика и окружающая среда / Всемирный фонд дикой природы; С. Н. Бобылев и др. М., 2004. Раздел III. Макроэкономическая / секторальная политика и лесное хозяйство. Лесная политика Российской Федерации. Баланс экономических и экологических целей в развитии лесного хозяйства / А. П. Петров

дении минимальных требований по устойчивости лесопользования, претендентов-то и нет. Экономически эффективное устойчивое лесопользование в этих лесах сейчас и в обозримом будущем невозможно или затруднено, а общественно значимые функции — экологическая, природоохранная, социальная, рекреационная и т. п., — которые они выполняют, скорее относятся к функциям социально ориентированного государства, нежели коммерческого лесного сектора. Причем даже те случаи, когда и в этих лесах частично можно переложить расходы по ведению лесного хозяйства на частный бизнес, что фактически не требует принципиальных изменений в действующем законодательстве, в проекте Лесного кодекса Минэкономразвития остались практически не прописанными.

3.2. ЭКОНОМИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ КОДЕКСА ПРОГРЕССИВНА, НО НЕ МОЖЕТ БЫТЬ ПРИМЕНЕНА НА БОЛЬШЕЙ ЧАСТИ ЛЕСНОЙ ТЕРРИТОРИИ РОССИИ

В современной России сосуществуют минимум 5 (можно увеличивать это число) разных *целевых моделей ведения лесного хозяйства*:

- интенсивная лесопромышленная (Северо-Запад Европейской России);
- экстенсивная лесопромышленная (юг Средней Сибири и Забайкалье, юг Дальнего Востока);
- многоцелевая или мелкотоварная (удаленные районы Севера, Сибири и Северо-Востока России);
- природоохранно-сельскохозяйственная (лесостепь и южная часть полосы сельскохозяйственно-преобразованных широколиственных и хвойношироколиственных лесов Европейской России);
- рекреационная (леса 1-й группы Московской и Ленинградской областей и т. п.).

Подготовленный Минэкономразвития проект Лесного кодекса фактически написан с позиции поддержки и реализации только одной из них — интенсивной лесопромышленной модели Северо-Запада России — и, соответственно, теоретически направлен на удовлетворение интересов наиболее крупных вертикально интегрированных лесопромышленных холдингов. Но это 10, максимум 15 % территории лесов России. Что делать с лесами, управляемыми в соответствии с другими моделями, и как их реализовывать на 80–85 % лесопокрытой территории — в проекте Лесного кодекса осталось практически не проработанным. В *Кодексе не прописаны финансовые механизмы ведения лесного хозяйства вне регионов, где это можно хотя бы частично переложить на лесопользователей.* Разработчики

© WWF России / Сергей КИЩЕНКО

Новый Лесной кодекс фактически написан с позиции поддержки интенсивной лесопромышленной модели, и что делать с лесами, управляемыми в соответствии с другими моделями, например рекреационными, осталось фактически непроработанным

проекта декларируют, что эти вопросы относятся к Бюджетному, а не к Лесному кодексу. Но существующий Бюджетный кодекс не гарантирует реализацию целей проекта Лесного кодекса. *Задача Бюджетного кодекса — «РАСТВОРИТЬ» средства, поступающие в бюджет, а для выполнения ЦЕЛЕЙ Лесного кодекса их, наоборот, нужно «ПРОКРАШИВАТЬ».* Ранее точно такая же проблема возникла после ликвидации Федерального экологического фонда (ФЭФ), что привело к тому, что вместо ликвидации последствий ущерба окружающей среде и здоровью населения государство оказалось заинтересованным в росте загрязнений, а бизнес лишился части стимулов для инвестирования в новые технологии очистки. Сейчас подобное происходит также и со средствами на лесовосстановление в ряде регионов (Хабаровск). В результате мы в очередной раз рискуем получить систему *национализации издержек при одновременной приватизации прибыли.*

3.3. ИНВЕСТИЦИОННАЯ ПРИВЛЕКАТЕЛЬНОСТЬ РОССИЙСКОГО ЛЕСНОГО СЕКТОРА ЭКОНОМИКИ И ВОПРОС О ЧАСТНОЙ СОБСТВЕННОСТИ НА ЛЕСА

Если *реальная ведущая задача Минэкономразвития* при подготовке проекта Лесного кодекса была обеспечить инвестиционную привлекательность лесного сектора экономики России (*т. е. собственность как инвестиционный ресурс*), то его разработчики или не знали, или забыли, или не учли, по меньшей мере, двух факторов:

1. Частная собственность на леса — это только один из инструментов повышения инвестиционной привлекательности лесного сектора. Есть и другие, не менее эффективные, если не заниматься мелким жульничеством — разрушать систему экологической ответственности вместо борьбы с реальными административными барьерами и коррупцией. В Канаде и Польше леса в основном находятся в государственной собственности, при этом инвестиционная привлекательность лесного сектора экономики этих стран весьма велика. В Польше она повысилась в основном за счет политики активной демонстрации экологической ответственности и устойчивости лесопользования — вместо приватизации государственных лесов была реализована программа добровольной сертификации устойчивости лесопользования по методу Лесного попечительского совета (FSC). Всего было сертифицировано более 6 млн га государственных лесов, причем сертификация поддерживалась в том числе и путем бюджетного финансирования, в результате чего продукция лесного сектора Польши начала активно теснить российскую древесину на европейских рынках, в первую оче-

ред.

редь — в Англии. За исключением наиболее крупных вертикально интегрированных холдингов, большинство российских компаний лесного сектора экономики не ставят вопрос о введении частной собственности на лесосырьевую базу, но требуют четких и прозрачных правил долгосрочной аренды и ее продления.

2. Легитимность и признание частной собственности на леса большинством населения страны. С учетом всех морально-политических и идеологических последствий первой волны приватизации¹ авторы и идеологи проекта нового Лесного кодекса не могли не понимать, что практика его применения будет или способствовать «легитимизации» частной собственности в

мироощущении населения страны и тем самым облегчит реализацию идеологии и подходов программ Минэкономразвития, или приведет к их дальнейшему отторжению со всем комплексом негативных последствий. В этой связи если Минэкономразвития действительно считало необходимым распространение гражданско-правовых отношений хотя бы на часть лесных угодий страны, то Г. О. Греф и М. М. Циканов были изначально обязаны действовать в соответствии с официально заявленными приоритетами, постепенно и с учетом общественного мнения населения страны. Одновременно разработчикам следовало детально проработать текст проекта Лесного кодекса, не давая повода для объединения оппонентов этой идеи. В

этой ситуации у Минэкономразвития был только один путь: отстаивать простую и прозрачную позицию — переход к долгосрочной аренде с возможностью приватизации в будущем эксплуатационных лесов II группы и полное исключение из текста проекта Лесного кодекса какого-либо упоминания о даже теоретической возможности приватизации любых лесов I, а также и III группы. Эта позиция однозначно вытекает из официально заявленных экономических целей создания проекта нового Лесного кодекса. Любые разговоры о проблемах «плохой правоприменительной практики, за которую разработчики проекта не могут нести ответственность» в случае с природоохранными лесами I группы не могли не вызвать волны возмущения. И она вряд ли уляжется, по крайней мере до тех пор, пока по всем центральным и местным каналам телевидения не будут показаны бульдозеры под руководством природоохранных прокуроров, сносящие кирпичные, каменные и чугунные заборы, идущие вплоть до уреза воды, и загороженные ими коттеджи в водоохраных зонах реки Москвы, Истринского и других подмосковных водохранилищ и т. д. — вплоть до Новгородской области и др.²

Определенная особенность (двойственность) позиции WWF России относительно гражданско-правовых отношений и множественности форм собственности на леса обусловлена тем, что **мы, так же, как, вероятно, и Г. О. Греф,**

Крупный лесной бизнес учится находить компромисс в вопросах обеспечения необходимой степени экологической ответственности

меньше боится крупного лесного бизнеса, чем слабой, коррумпированной и неквалифицированной государственной бюрократии в лесном хозяйстве.

Связано это с тем, что крупный лесной бизнес:

1) более адекватен экономическим и экологическим реалиям современного мира, чем низкооплачиваемое (часто коррумпированное) госчиновничество (потому что на первый влияют экологические требования международных рынков);

2) способен стратегически планировать свое развитие на 10, а также 15–25 лет вперед (современное российское государство, к сожалению, только на срок от 3 месяцев до 4 лет);

3) уже знает мировые экологические реалии и как они сказываются на нем самом, его перспективах и развитии;

4) верит, знает и понимает то, о чем мы говорим (добровольная лесная серти-

фикация, корпоративная пошаговая экологическая политика, девственные леса);

5) учится находить компромисс в вопросах обеспечения необходимой степени экологической и социальной ответственности.

Поэтому мы, может быть, были даже меньше напуганы ключевыми инновациями проекта Лесного кодекса, чем опытный в экономических и социальных вопросах Всемирный банк, с которым у Всемирного фонда дикой природы глобальный альянс по обеспечению устойчивого управления лесами.

Желание решить сложную проблему реформирования лесного хозяйства и повышения значения лесного сектора экономики исключительно «простыми» и радикальными методами привело к тому, что авторы проекта Лесного кодекса не приняли во внимание хорошо известный специалистам факт: **международный рынок продукции лесного сектора экономики является наиболее экологически чувствительным.** От-

¹ Они достаточно убедительно представлены в статье М. Ходорковского «Кризис либерализма в России», опубликованной в газете «Ведомости» 29 марта 2004 г. (здесь мы не касаемся вопроса о том, в какой степени ему принадлежит авторство и насколько положения статьи соответствуют истинным взглядам ее автора).

² См. например, статью В. Пескова «Заповедники у края беды» в «Комсомольской правде» 11 декабря 2003 года и отклики на нее, опубликованные в № 18/5 от 30.01–6.02. 2004.

существование в проекте даже чисто политических деклараций о нормах и методах экологической ответственности лесного бизнеса и о преимуществах для получения и продления аренды в случае устойчивого лесопользования арендаторами и потенциальными собственниками лесов (что может подтверждаться, например, наличием сертификата международно признанной системы добровольной лесной сертификации) фактически сводит на нет уже проделанную отечественным лесным бизнесом серьезную работу по формированию экологической ответственности и устойчивости лесопользования.

Принятие существующей версии проекта Лесного кодекса может иметь обратный изначальным намерениям результат — не только не повысить инвестиционную привлекательность сектора, но и фактически привести к потере этой самой привлекательности и исключению российской лесной продукции с экономически и инвестиционно наиболее привлекательных (европейских, североамериканских) рынков. Обзоры «барьеров» для инвестиций в лесной сектор экономики России отмечают, что экологические требования занимают максимум пятое место в качестве фактора, влияющего на решение инвестора не инвестировать, уступая по своему значению экономическим и политическим рискам, налоговым и правовым «барьерам» и проблемам (коррупция, слабость банковской системы, неразделенность полномочий Федерации/субъектов)¹.

3.4. «КОНКУРСЫ ИЛИ АУКЦИОНЫ?», ИЛИ «ВАМ ШАШЕЧКИ ИЛИ ЕХАТЬ?»

Для Минэкономразвития, как это неоднократно подчеркивали и Г. О. Греф, и М. М. Циканов, было принципиально важно обеспечить распределение прав пользования лесными ресурсами исключительно по результатам аукционов, поскольку они твердо убеждены, что конкурсы провоцируют коррупционные отношения между руководством регионов, территориальными органами МПР и потенциальными арендаторами. Безусловно, WWF является жестким и принципиальным противником коррупции, поэтому подозревать нас в лоббировании корыстных интересов нечистоплотных представителей региональных администраций по меньшей мере наивно. И не во всех регионах конкурсы являются «коррупционным механизмом», хотя это, безусловно, во многом зависит и от специфики региона, и от развитости в нем реального гражданского общества². Кроме того, формально механизм аукционов и предложенный в проекте Лесного кодекса механизм прекращения аренды и права собственности на лесные участки благоприятствуют исключительно экспорту «круглой древесины», но не инвестициям в ее глубокую переработку.

Разработчики Кодекса не предложили никаких практических механизмов учета социальной и экологической ответственности претендентов на долгосрочную аренду лесных участков. Хотя, вероятно, непосредственное указание на необходимость прямого и четкого прописания обязательных региональных экологических и социальных требований и обременений в условиях аукциона — например, возмож-

ность получения права собственности на лесной участок только в случае успешного прохождения добровольной лесной сертификации по международно признанной системе — позволило бы обеспечить эффективный и конструктивный компромисс между желанием Минэкономразвития иметь простой механизм распределения прав пользования лесными ресурсами исключительно на основе аукционов и объективной необходимостью обеспечения экологической и социальной ответственности лесопользования без создания дополнительных административных барьеров и коррупционных отношений. Но для этого авторам проекта было необходимо вести реальный и открытый диалог в первую очередь с неправительственными организациями, ориентированный именно на современный мировой опыт использования рыночных механизмов экологизации лесного сектора.

4. Конкретные ключевые недостатки текста проекта Лесного кодекса

4.1. ОСОБО ОХРАНЯЕМЫЕ ПРИРОДНЫЕ ТЕРРИТОРИИ (ООПТ)

Согласно тексту проекта Лесного кодекса от 29 января 2004 года под угрозой гибели оказались почти все региональные ООПТ. Часть наших замечаний была учтена разработчиками перед внесением проекта Лесного кодекса в Правительство Российской Федерации, но угроза все равно осталась — не предусмотрен переходный период для перевода лесных массивов региональных ООПТ в леса I группы, не прописано, как быть с особо защитными лесными участками (ОЗУ) в лесах II группы. Ряд пунктов, сразу же вызвавших наиболее резкую критику природоохранных организаций, по всей видимости, был включен в текст проекта Кодекса по предложениям Лесной службы МПР (вероятно, это не вина Минэкономразвития, а его беда — например, пункт про рубки промежуточного пользования в лесах заповедников). Тем не менее, следует отметить, что WWF России заранее пытался избежать этой коллизии. Совместно с Комитетом по экологии Государственной Думы предыдущего созыва еще весной 2003 года был подготовлен проект соответствующих поправок в Федеральный закон «Об особо охраняемых природных территориях», который получил поддержку подавляющего большинства органов власти субъектов Российской Федерации и федеральных министерств и ведомств, но фактически был заблокирован именно Минэкономразвития, хотя мы со своей стороны пытались добиться решения конкретных противоречий.

© WWF России

Приватизация земель общего пользования ударит по самым бедным слоям населения, для которых недревесная лесная продукция является источником существования

4.2. УГРОЗА ПРИВАТИЗАЦИИ ЗЕМЕЛЬ ОБЩЕГО ДОСТУПА И ОТСУТСТВИЕ ПРОПИСАННОГО МЕХАНИЗМА «ОБЩЕСТВЕННЫХ ОБРЕМЕНЕНИЙ» (ПУБЛИЧНЫХ СЕРВИТУТОВ) ДЛЯ ЗЕМЕЛЬ ДОЛГОСРОЧНОЙ АРЕНДЫ И ЧАСТНЫХ —

то, что обязательно присутствует в лесном законодательстве большинства стран. Не закрыты лазейки для трансформации лесных участков в нелесные площади путем коттеджного строительства и т. п. О реальности данной угрозы говорит тот факт, что 73-я статья о культурно-исторических зонах исчез-

¹ Nilsson M., Soderholm P. Foreign direct investment and institutional obstacles: The case of Russian forestry // Natural Resources Forum. 2002. V. 26.

² См. также: Качество роста / Всемирный банк; В. Томас и др. М., 2001.

ла из проекта от 29 января 2004 года, хотя была в проекте от 27 января. Все это вызывает огромную социальную озабоченность населения. Причем это проблема не только Москвы и Питера, но и, как показали слушания, организованные нами в Архангельске, многих регионов России. Тот факт, что недревесная лесная продукция является источником существования наиболее бедных и социально незащищенных групп населения российской провинции автоматически переводит ее в раздел крупных социально-экономических проблем.

4.3. НЕЛЕГАЛЬНЫЕ РУБКИ

Изменение (отмена) существующей нормативной базы без предварительного и одновременного создания и введения новой неизбежно приведет к существенному всплеску нелегальных рубок, которые в ряде случаев уже нельзя будет назвать нелегальными, но суть их, тем не менее, не изменится и бюджеты от них пополняться не будут. Расчет на то, что с введением нового Лесного кодекса защита арендованных лесов становится просто частным делом арендаторов, не выдерживает серьезной критики. Даже заместитель председателя Комитета по природным ресурсам и природопользованию Государственной Думы от ЛДПР Д.Р. Шадаев профессионально «выловил» этот момент, поскольку сразу понял, что теперь мелкий откровенный криминал будет рубить «его собственный лес». Фактически страдать будут именно добросовестные долгосрочные арендаторы, те, кто уже заплатил и на аукционе, и «под столом» («административную ренту»), и налоги, и вложил средства в лесовосстановление — т. е. именно те, кто пытается организовать ответственное устойчивое лесопользование. Явным практическим подтверждением этому является то, что Приморская ассоциация лесопромышленников и лесозэкспортеров (ПАЛЭКС) стала в 2003 году софинансировать антибраконьерскую бригаду «Кедр», — потому что *они поняли, что это у них воруют.*

4.4. УХУДШЕНИЕ ПОЗИЦИИ ЭКОЛОГИЧЕСКИ И СОЦИАЛЬНО ОТВЕТСТВЕННОГО КРУПНОГО ЛЕСНОГО БИЗНЕСА

О роли социальной и экологической ответственности бизнеса в последнее время много говорит президент В. В. Путин. Однако в проекте Кодекса нет ни слова о роли в формировании экологической и социальной ответственности лесопромышленного бизнеса и о негосударственных рыночных механизмах: добровольной лесной сертификации, поэтапной публичной экологической политике компаний-лесопользователей, рейтингов экологической ответственности компаний и т. п. — что вроде бы находится в полном соответствии с концепцией административной реформы, среднесрочной программой правительства, выступлениями Г. О. Грефа и политикой Минэкономразвития. Если Министерство экономического развития и торговли жестко настаивает только на аукционном механизме распределения прав пользования лесными ресурсами, то в соответствии с текстом нынешнего проекта Лесного кодекса это *стимулирует экологическую и социальную безответственность лесного бизнеса* и создает преимущества для тех, кто лишь только экспортирует круглое бревно. WWF России не выступал резко против рыбных аукционов, предложенных и проводившихся Минэкономразвития, хотя было ясно, что они подрывают устойчивое рыболовство. Мы считали, что важно уже то, что государство всерьез озаботилось проблемой увеличения доходов от рыболовства и рано или поздно министерство само поймет, что и как нужно оптимизировать. *Но на просторах морей России нет сел и деревень.* Может быть, это и есть главная причина того, что крупный лесной бизнес выступает против исключи-

тельно аукционной формы аренды — потому что он начал осознавать свою социальную и экологическую ответственность. Как давать взятки губернаторам они и без Минэкономразвития знают... Но леса для местного населения — это в первую очередь среда выживания, и исключительно аукционная форма аренды ставит ее под угрозу. Одновременно аукционная система объективно подталкивает крупный лесной бизнес к продолжению экстенсивного освоения лесных ресурсов. Экстенсивная модель лесопользования уже привела не только к деградации лесов как природного ресурса (примерно на 10 % уменьшилась доля хвойных), но и к социально-экономической деградации многих староосвоенных регионов Европейской России. В результате обусловленного проектом нового Лесного кодекса снижения степени экологической и социальной ответственности лесного бизнеса становится реальной угрозой потери европейских рынков и *превращения лесов России в сырьевой придаток экономики Китая.* Вряд ли эту задачу осознанно ставили перед собой разработчики проекта, скорее всего, они даже не задумывались о такой возможности. Но, как известно, благими намерениями вымощена дорога в весьма определенном направлении...

5. Заключение

1. Нет объективной необходимости срочно принимать новый Лесной кодекс в существующем, достаточно «сыром» виде. Вызванные его принятием многочисленные неизбежные социальные, экологические и экономические конфликты способны дискредитировать многие заложенные его разработчиками безусловно интересные и прогрессивные идеи, которые заслуживают обсуждения и профессиональной доработки.

2. Мы требуем включения в состав рабочей группы по доработке проекта Лесного кодекса специалистов и экспертов из экологических неправительственных организаций (экоНПО). Обсуждение существующего проекта Кодекса и принятие многих наших замечаний и предложений (включая, например, исчерпывающий список технических регламентов) показывает, что активный диалог Минэкономразвития и экоНПО, вероятно, важнее, чем традиционный взгляд Лесной службы МПР России.

3. Мы готовы срочно и в диалоге с Минэкономразвития в сроки, установленные Правительством Российской Федерации, на основе существующего текста доработать проект Лесного кодекса и сделать нормальный, качественный и современный Кодекс, учитывающий современные реалии.

4. Для успеха принятия и применения нового Лесного кодекса обществом и бизнесом сейчас, вероятно, самое важное — создать и принять после общественного обсуждения Национальную лесную политику России. В этом случае новый Лесной кодекс, разработанный на ее основе, будет гораздо лучше и более адекватно понят и принят всеми участниками лесных отношений и обществом в целом.

ЛИТЕРАТУРА

- Качество роста / Всемирный банк; В. Томас и др. М., 2001.
 Макроэкономика и окружающая среда / Всемирный фонд дикой природы; С. Н. Бобылев, М. Ю. Ксенофонтов, Р. А. Перелет, А. П. Петров. М., 2004.
 Раздел III. Макроэкономическая/секторальная политика и лесное хозяйство. Лесная политика Российской Федерации. Баланс экономических и экологических целей в развитии лесного хозяйства.
 Россия: Лесная политика в переходный период / Всемирный банк. Вашингтон, 1997.
 Ходорковский М. Кризис либерализма в России // Ведомости. 2004. 29 марта.
 Шаарц Е. А. Лесное хозяйство, экономическое развитие и биоразнообразие: отказаться от мифов прошлого // Устойчивое лесопользование. 2003. № 2.
 Шаарц Е. А. Эколого-географические проблемы сохранения природного биоразнообразия России: Автореф. дисс... д-ра геогр. н-к. М., 2003.
 Nilsson M., Soderholm P. Foreign direct investment and institutional obstacles: The case of Russian forestry // Natural Resources Forum. 2002. V. 26.